

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕ Татьяна ОСИПОВИЧ

Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов

«К сожалению, /.../ по адресу многих наших товарищей можно сказать: "Поскребите коммуниста — и вы найдете филистера". Конечно, скрести нужно чувствительное место — его психику в отношении женщины».

В. И. Ленин

В беседе с Кларой Цеткин осенью 1920 года Ленин пророчил: «В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции»². Но в то же время он дискредитировал каждого, кто пытался по этому поводу теоретизировать: «Я отношусь с недоверием к теориям пола... Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа. Мне кажется, что изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно, из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальность или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе»³. Ленин рекомендовал советской молодежи заниматься не любовью, а спортом, гимнастикой, плаванием, экскурсиями, физическими упражнениями. Далеко не все коммунисты соглашались со своим политическим лидером в этом вопросе. Результатами революции хотелось пользоваться сегодня же. В некоторых кругах популярной становится пресловутая теория «стакана воды», согласно которой удовлетворение потребностей пола в коммунистическом обществе должно осуществляться так же легко, как выпить стакан воды⁴. «От этой

¹Цеткин Клара. Воспоминания о Ленине. М., 1955, с. 57.

² Там же, с. 48.

³Там же, с. 44.

⁴Российский обыватель упорно приписывает авторство этой «теории» Александре Коллонтай, одному из наиболее известных лидеров женского освободительного движения начала XX века. Однако ни западные, ни советские ученые подтвердить этого мнения не могут. Важно отметить, что Ленин в разговоре с Цеткин и Луначарский в своей книге «О быте», подробно обсуждавшие теорию «стакана воды», имени Коллонтай не упоминают. Возможно, именно враги Коллонтай придумали эту версию в целях дискредитации ее феминистских идей.

Осипович Т.Н.— профессор русского языка и литературы Колледжа имени Луиса и Кларка в Портленде (Орегон, США).

теории «стакана воды», — сообщает Ленин Кларе Цеткин, — наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась...»⁵.

Ленин явно преувеличивал влияние подобных «теорий» на советскую молодежь. Причин для послереволюционного послабления нравов было много: нестабильность жизни, гражданская война, экономические лишения, раннее вынужденное взросление подростков, новый и не всегда понятный взгляд на положение женщины. В соответствии с марксистской идеей женской эмансипации уже в самые первые дни революции был издан декрет о женском равноправии, а в 1918 году вступил в силу новый закон о браке и семье. Этот закон предоставлял равные права обоим супругам. Впервые женщина, вступающая в брак, могла сохранять свою фамилию, иметь отдельное от мужа местожительство, распоряжаться своими доходами, а в случае развода в равной степени претендовать на семейную собственность. Новый брачный закон не отменял церковных церемоний, но лишал их права легализации брачного состояния. Отныне законной считалась лишь гражданская регистрация, причем как церемония бракосочетания, так и процедура развода значительно упростились. Более того, новый закон отменял понятие «незаконнорожденный ребенок» — как рожденные в браке, так и вне брака приобретали одинаковые права⁶.

Такой прогрессивный закон в отсталой, разрушенной революцией и гражданской войной России был явно преждевременен. Государство не могло гарантировать того, что обещало на бумаге. По одному взмаху пера женщина не могла стать равноправной. Как и раньше, она была менее образована, зарабатывала (в случае ее занятости в производстве) меньше мужчины и значительно более, чем он, была загружена домашним хозяйством. Экономическая зависимость от мужчины и традиционный взгляд на роль матери и жены делали женщину жертвой новых законов. Приобретая «бумажную» свободу в браке, женщина оказывалась в реальных трудностях в результате легко получаемого развода. Как правило, она оставалась с ребенком на руках, без профессии и без экономической поддержки со стороны мужа. Государство могло лишь мечтать о будущих бесплатных детских садах и общественных кухнях, но на деле взять под свою защиту всех одиноких матерей не имело возможности. Количество сирот, бездомных и безработных в стране не становилось меньше.

Обсуждение проекта Семейного кодекса

В конце 1925 года по инициативе ВЦИК страна приступила к всенародному обсуждению нового «Кодекса законов о браке, семье и опекуном праве». Необходимость такой массовой дискуссии мотивировалась, с одной стороны, возросшей активностью советского населения, а с другой — его глубокой заинтересованностью в решении этого важного вопроса. В течение целого года проект обсуждался на партийных, рабочих и крестьянских собраниях, дебатировался на страницах советской прессы, о нем писали многочисленные письма в редакции газет и журналов.

Наибольшие разногласия в обсуждении нового Семейного кодекса вызвал пункт об уравнивании зарегистрированных и незарегистрированных браков, который предоставлял матери-одиночке право взыскивать алименты с отца ребенка. Советские юристы предложили этот пункт с целью защиты экономических интересов женщины, состоящей в так называемом браке *de facto*. В годы военного коммунизма и нэпа подобные неоформленные в ЗАГСе брачные союзы были весьма распространены. Их возникновению способствовали ломка института традиционной семьи, пропаганда новых социальных ценностей, экономическая

⁵ Цеткин Клара. Указ. соч., с. 48.

⁶ Закон 1918 года хотя и отменял понятие «незаконнорожденный ребенок», но не уравнивал в правах на алименты детей, родившихся в зарегистрированном и незарегистрированном браке. Последнее было осуществлено лишь в 1926 году.

разруха, рост безработицы (особенно женской) и дисбаланс в численности мужчин и женщин⁷. Однако предложение советских юристов обеспечить содержание матерей-одиночек за счет мужчин вызвало яростное сопротивление многих социальных групп населения. Одним из наиболее частых аргументов против пункта об алиментах на содержание рожденного вне зарегистрированного брака ребенка и нетрудоспособной матери было утверждение, что подобный закон будет способствовать росту претензий к мужчине от женщин, с которыми он имел лишь случайную половую связь. В связи с этим законодатели вынуждены были дать определение незарегистрированного брака, которое в первоначальном Семейном кодексе отсутствовало. Статья 12 нового Кодекса предлагала примерный перечень доказательств брачных отношений. Ими являлись: «факт совместного сожительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами»⁸. Как бы то ни было, критика закона о незарегистрированных браках этим не исчерпывалась. Многие считали, что подобный закон будет поощрять распущенность и безответственность, а также принесет ущерб благосостоянию зарегистрированных семей. О последнем особенно волновались замужние женщины, указывавшие на факт, что небольшой зарплатой мужчины-работника едва хватает на содержание одной семьи и необходимость платить алименты семье «на стороне» отразится на положении законной жены и детей⁹.

Важно отметить, что не только положение об алиментах в случае незарегистрированного брака, но и вопрос об алиментах, взыскиваемых при разводе законных супругов, был предметом горячих споров. Алиментными делами были завалены все суды еще до обсуждения нового Семейного кодекса. Ко всему этому новый закон добавлял проблему семейной собственности. Отныне считалось, что приобретенная во время совместного проживания семейная собственность является достоянием обоих супругов и при разводе должна быть поделена пополам. Это было выгодно замужним домохозяйкам или малозарабатывающим женщинам, но казалось несправедливым их мужьям, приносящим в семью основной доход.

Особенно отрицательно к разделу семейной собственности при разводе отнеслись крестьяне. Как известно, главную роль в крестьянском хозяйстве играла не собственность семьи, а собственность двора, в состав которого входило несколько семей, связанных узами родства. Раздел имущества при разводе или взыскивание алиментов с одного члена такого двора «наказывал» всех членов двора, не имеющих к разводу никакого отношения. Вполне закономерно, что именно крестьяне больше всех сопротивлялись новшествам в области брака и семьи и продолжали жить по старым традициям. Член ВЦИК крестьянин А. Платов во время дебатирования нового Кодекса высказался об этом так: «Крестьянское население еще крепко держится за брак религиозный, и брак в крестьянском быту является еще не игрушкой, которую сегодня можно создать, а завтра или через неделю разрушить. Новый проект закона — проект многобрачия и многоженства — в деревне считается беззаконием»¹⁰. Справедливости ради надо отметить, что многие молодые женщины-крестьянки одобряли алименты, считая, что отсутствие материальной помощи покинутой деревенской матери часто заканчивается детоубийством.

Конечно, было бы ошибкой считать, что новый Семейный кодекс не находил поддержки российского населения. Городские рабочие и служащие, студенчество, деревенская интеллигенция сочувствовали основным принципам нового законодательства и активно участвовали в его обсуждении. Они одобряли идею развода и соглашались с необходимостью взыскания алиментов, обеспечивающих нетру-

⁷ Этот дисбаланс особенно характерен для городского населения (от 70 до 90 мужчин на 100 женщин в центральных российских городах). См. «Всесоюзная перепись 1926 года». Т 36, таблица 72.

⁸ Кодекс законов о браке, семье и опеке. III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 12-го созыва. Постановление М., 1926, с. 126

⁹ Подобные замечания высказывались часто См. <Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву>, М., 1926.

¹⁰ Деревня о браке и семье. Сб. «Брак и семья». М.-Л., 1926, с. 116.

деспособную мать и ребенка. Критике подвергалась экономическая сторона алиментной проблемы. Задавались вопросы: может ли мужчина-работник (как правило, работником был именно мужчина) содержать на свою мизерную зарплату две семьи? Если нет, то каков же смысл развода и алиментов? Нет ли тут обратного эффекта? Стремясь защитить интересы матери и ребенка, новый закон лишь способствует возникновению малоимущих семей, полностью зависящих от неадекватной помощи мужчины.

В пылу обсуждения практических сторон Закона вопрос о роли семьи в коммунистическом обществе поднимался редко. Знаатоки марксизма напоминали, что семья при коммунизме должна исчезнуть, государство возьмет на себя заботу о детях и заменит индивидуальное домашнее хозяйство коллективным. Но в настоящий момент таких средств и возможностей у государства нет, а потому супруги должны поддерживать друг друга в случае нетрудоспособности и безработицы, а родители — содержать своих детей. С такой «остановкой» во внедрении социалистических принципов в советском обществе соглашались не все. Одним из наиболее рьяных противников «буржуазных» тенденций нового Закона о браке и семье была знаменитая А. Коллонтай.

Бывший лидер коммунистического женского движения и проповедник новой половой морали Коллонтай в середине 20-х годов была уже другим человеком". Несколько лет дипломатической «ссылки» за участие в Рабочей оппозиции и «феминистскую ересь» сделали ее осторожной и практичной. Но удержаться во время своего короткого визита в Россию от участия в дебатах о браке и семье она не смогла. Коллонтай публикует статью, в которой подвергает новый законопроект резкой критике. Семь лет после революции, пишет она, а советская женщина все еще характеризуется как «законная жена», «незаконная жена» и «случайная любовница». Причем если вторая категория в алиментном вопросе приравнивается к первой, то жертвы случайных связей и их дети никого не интересуют. А они, напоминает автор, — результат нашего нищего быта, беспризорности, скученности и невежества. Не должно ли государство, называющее себя социалистическим, заботиться о матери и ребенке, независимо от их права на «законные» алименты? И что такое эти «законные» алименты? С кого их взыскивать? «С безработного рабочего, с бедняка-крестьянина, отца ребенка, или с рабфаковца, который сам едва сводит концы с концами?» Закон, вероятно, имеет в виду лишь небольшой слой имущих отцов и мужей, нэпманов. «Но нельзя же строить закон в расчете на этого нэпмана. Алиментов даже в размере каких-либо 7—12 рублей в месяц, замечает автор, вы не взыщите ни со студента, ни с батрака, ни с рабочего со средним заработком»¹².

Коллонтай предлагала разрешить вопрос об обеспечении матерей с маленькими детьми на руках путем образования единого общего страхового фонда, составляемого из взносов всего трудового населения обоого пола. Этот фонд должен складываться из небольших страховых взносов, взимаемых по принципу прогрессивности, — чем выше заработок и доход, тем больше взнос. Таким образом, даже при минимальном сборе (2 руб. в год) 60 млн взрослого населения могут собрать 120 млн рублей. «Из этого фонда покрывались бы расходы на содержание яслей, детских очагов, домов материнства, выдавалось бы пособие нетрудоспособным матерям и обеспечивались бы дети, сначала в возрасте хотя бы до года, а позднее по мере накопления фонда — до 3—4 лет»¹³. Но что одинаково важно, считала Коллонтай, введение подобного налога демонстрировало бы верность советского государства социалистическим принципам даже в так называемый «переходный период» своей истории.

Предложение партийного «еретика» ввести в стране единый страховой фонд широкого освещения не получило. Статья Коллонтай «Общий котел или

¹¹ О деятельности и взглядах Коллонтай на проблему женской эмансипации см. Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай. «Общественные науки и современность», 1993. № 1. с. 174—187.

¹² «Брак и семья», с. 133.

¹³ Там же, с. 134.

индивидуальные алименты» появилась лишь в нескольких изданиях¹⁴ и подобно правительственному законопроекту, подверглась критике. Товарищи по партии соглашались с социалистическим характером идеи Коллонтай, но напоминали о трудностях переходного периода и обвиняли автора в нетерпеливости, «левых» уклонах и пропаганде «излишней свободы» в половых отношениях. Женщины-работницы с «Трехгорной мануфактуры» отнеслись к этому предложению так: «То, что предлагает тов. Коллонтай — не дело. Если ввести такой налог, то мужчины окончательно распояшутся и получится сплошной разврат. Мужчина, зная, что ему «трети» нечего бояться, будет жить с женщиной не больше недели, а потом бросит ее на произвол судьбы. Она ему будет что дудка: посвистит, посвистит и бросит... Кроме того, он, пожалуй, если и уплатит, к примеру полтинник налога, то уж постарается не прогадать: не меньше 50 женщин испортит»¹⁵.

Знали ли эти работницы что-нибудь о «новой женщине», которая уже столетия обсуждалась в многочисленной марксистской и феминистской литературе? По всей видимости, нет. Не их вина, что они были практиками и говорили о том, что видели, а не о том, что писалось в прогрессивной прессе. Идею Коллонтай о коллективной ответственности за судьбу всех матерей и детей поддержала лишь рабочая и студенческая молодежь. Одна из молодых ее сторонниц высказалась об этом так: «Я считаю, что предложение А. М. Коллонтай о государственном обеспечении матерей и брошенных отцами детей в высшей степени интересно и безусловно заслуживает самого внимательного отношения. Тов. Коллонтай права: "Забота о подрастающем поколении — дело государства»¹⁵. «...Надо бы теперь же пустить предложение Коллонтай в рабочие и крестьянские круги для самого подробного обсуждения. Думаю, что работницы не станут возражать ни против страхования матерей, ни против незначительного обложения населения для государственного обеспечения матерей и детей»¹⁶.

Пожелания молодой сторонницы Коллонтай не услышали. Правительство не было заинтересовано в широком обсуждении предложения о всеобщем страховании матерей и детей. Вместо верности социалистическим принципам в обеспечении материнства и детства было решено бороться с «пережитками» «буржуазного» прошлого. В стране развернулась широкая кампания, разъясняющая советским людям сущность новой половой морали. Но так как моральные ценности быстро не меняются, предполагалось, что новый закон об алиментах будет не только обеспечивать матерей и детей, но и сдерживать наиболее легкомысленных и безответственных граждан от излишней в переходный период половой активности.

Дискуссия о половой морали

Пропаганда новых взаимоотношений между полами была в основном направлена на городскую рабочую молодежь и студенчество (в перевоспитание старших поколений, вероятно, не очень верили). При всем плюрализме мнений партийная точка зрения имела наилучший доступ к средствам массовой информации и претендовала на ведущую роль в дискуссии. Почти каждая крупная публикация и все массовые обсуждения не обходились без приглашения партийного «специалиста» и без цитирования Ленина. Наиболее активными среди старых партийцев, принимавших участие в дискуссии, были С. Смидович, Ем. Ярославский и А. Луначарский. В их выступлениях единодушно осуждались «революционные эксцессы» начала 20-х годов — теория «свободной любви», полное отрицание ценности «буржуазной» семьи и необоснованные надежды на коллективную заботу о детях. В своей книге «О быте» Луначарский объяснял: «В нашем обществе единственно правильной формой семьи является длительная парная семья. Мы должны сказать, что лишенная своих буржуазных черт — командования

¹⁴ Предложение Коллонтай было опубликовано в «Комсомольской правде», № 26 (209), февраль 1926, с. 2; «Рабочий суд», 1926, № 5, с. 363; «Экран», 1926, № 5, с. 1.

¹⁵ «Брак и семья», с. 143.

¹⁶ Там же, с. 142—143.

мужчины и погребения женщины под бременем домашнего хозяйства, — лишенная этих черт парная семья, длительный союз во имя общего строительства жизни, рождения и воспитания детей есть единственная форма, которая нам нужна». Так называемая теория «свободной любви», или еще хуже теория «стакана воды», — «есть теория мужской подлости, эксплуатирующая женщину». «Мужчина не страдает от полового акта, для него это то же, что «выпить стакан воды». Женщина, выпив стакан воды, ничего от этого не потерпит, а от полового акта у нее бывают дети. Вот дети и есть центральное место всего вопроса. С точки зрения мужской, грубой, эксплуататорской, пошлой мужской точки зрения, мужчина «выпил стакан воды» и ждет, когда ему опять пить захочется, а женщина должна воспитывать всех детей Республики»¹⁷.

Взгляд на женщину как на пассивный объект агрессивного мужского вождения, как на жертву, несущую всю полноту ответственности за социальные последствия полового акта, разделяли многие коммунисты старшего поколения. Вот, например, что писала по этому поводу Смидович: «Страдающим лицом является девушка... Аборт и его тяжелые последствия для женского организма, женские болезни, наконец, ношение ребенка, кормление, роды в слишком юном возрасте, отход от работы по семейным обстоятельствам — кто страдает от всего этого, как не девушка»¹⁸. Практически никто из старшего поколения партийных «моралистов» не допускал существования здоровой женской сексуальности и не прибегал в описании материнства к радостным краскам. В их восприятии участие женщины в половом акте получало лишь одно оправдание — деторождение, избежать которого при помощи противозачаточных средств считалось мерзостью. В своем докладе «Мораль и быт пролетариата в переходный период» Ярославский напоминал: «Известно, что Владимир Ильич относился отрицательно к неомальтузианству. Он писал все время прямо: мы относимся с величайшим отвращением к той проповеди, которая проводилась буржуазией по отношению к пролетариату. Буржуазия говорила, что для пролетариата, видите ли, не приготовлено достаточно места за пиршественным столом жизни, и поэтому он должен всячески стараться иметь поменьше детей и применять всякого рода искусственные средства для того, чтобы у него детей не было»¹⁹. Даже либеральная Коллонтай относилась неодобрительно к средствам предохранения от беременности, считая, что материнство — это священный общественный долг женщины²⁰.

Живущей половой жизнью, но нежелающей рожать советской женщине предлагали (и до сих пор предлагают) единственное средство — аборт. В этом заключается особая жестокость патриархатного общества. При запрещении или ограничении доступа к противозачаточным средствам аборт оказывается не только единственной возможностью женщины избежать нежелательного материнства, но и неминуемым за это наказанием. (Не отсюда ли садизм советских докторов, делающих аборт без анестезии и подвергающих женщину унижительным вопросам?) Легализованный в 1920 году аборт считался необходимым в переходный период злом, надобность которого при благоприятных экономических условиях должна исчезнуть. Феминистская идея о праве женщины распоряжаться своим собственным телом не приходила в голову. Аборт оправдывался лишь бедностью жизни 20-х годов. В 1936 году его запретили, по-видимому, в связи с улучшением условий жизни, и в 1944 году (после относительно «либеральных» военных лет) запрещение ввели еще раз, теперь из-за необходимости увеличить численность населения. Личные права женщины советский закон по-прежнему в расчет не принимал.

Молодое поколение 20-х годов, особенно комсомольская молодежь, относилось

¹⁷ Луначарский А. О быте. М.-Л., 1927, с. 24—25. В примечании к брошюре сообщается, что она представляет собой переработанную стенограмму доклада Луначарского, прочитанного им в Ленинграде 18 ноября 1926 года.

¹⁸ Смидович С. Молодежь и любовь. Сб. «Быт и молодежь». М., 1926, с. 62—63.

¹⁹ Ярославский Ем. Мораль и быт пролетариата в переходный период. «Молодая гвардия», 1926. №5, с. 161.

²⁰ Коллонтай А. Положение женщины в эволюции хозяйства. Пг., 1923, с. 178.

к проблеме аборта и противозачаточных средств несколько либеральнее, чем их старшие товарищи. Однако наиболее «сознательные» из молодых помнили «урок» старших. Один комсомольский вожак писал следующее: «Конечно, такие меры (меры предупреждения беременности.— Т. О.) являются преступными и недопустимыми в нашем комсомольском быту. Тем не менее, если подойти к вопросу конкретно, то надо сказать, что в некоторых случаях они могут быть допустимы. В том случае, когда девушка в очень раннем возрасте начала семейную жизнь (чего делать вообще не следует), или в особенно тяжелом материальном положении, меры предупреждения могут быть допущены до того момента, когда положение сменится более благоприятным, и женщина обязана будет не избегать беременности* (выделено мной.— Т. О.)²¹.

При таком ханжески-примитивном отношении к средствам предупреждения беременности и непоколебимой уверенности в обязанности быть матерью неудивительно, что советская женщина за сексуальное удовольствие (ежели таковое имело место) слишком дорого платила. Невежество общества в вопросах половых отношений лишь усугубляло ее эксплуатацию. Считалось, например, что мужчина обладает значительно большей сексуальной энергией, подавлять которую вредно для организма. При этом онанизм объявлялся болезнью, разрушительной для его физических и умственных способностей. Естественно, заботящийся о своем здоровье молодой человек искал интимной близости с женщиной²². Результатом этой близости могли быть нежелательная беременность и аборт, ранняя женитьба и дети или «поддерживаемая» алиментами мать-одиночка. В проигрыше от подобной ситуации оказывалась женщина.

Интересно отметить, что некоторые молодые женщины подвергали критике патриархатные тенденции развернувшейся дискуссии. В сборнике «Комсомольский быт» были опубликованы два письма юных комсомолок к Смидович. В одном из них 19-летняя девушка по имени Лида обращалась к старшему товарищу за советом. Она хотела знать, соглашаться ли ей на уговоры любимого парня жить с ним в незарегистрированном браке. Подобные «свободные союзы» в их провинциальном городе были необычным явлением. Смидович не возражала против желания молодых людей жить вместе, но советовала Лиде серьезно взвесить все обстоятельства. Любовь для женщины, напоминала она, не минутное увлечение, а «длительный процесс зачатия, ношения, рождения, кормления и воспитания нового существа». «Конечно, могут быть случаи бездетных браков,— добавляла Смидович,— но они редки, в счет не идут, и не они определяют отношение женщины к любви»²³.

Взгляд на женскую любовь лишь сквозь призму материнства, полное умолчание о противозачаточных средствах и отрицательное отношение к аборту вызвали негодование другой комсомолки, Нины Вельт. Нина обвинила Смидович в «дешевом проповедничестве» и напомнила, что социализм не кланяется перед законами природы, а стремится подчинить их. Материнство не должно быть результатом слепого случая. Странно, что Смидович даже не упомянула о средствах предупреждения беременности. Да, Нина согласна с автором письма, что аборт вреден для здоровья женщины, а потому нежелателен. Но разве желательны полунищие многодетные семьи, родители которых не в состоянии обеспечить своих детей? А что можно сказать о жизни матерей в этих семьях? С двумя детьми еще можно найти работу. А что если детей четверо? Тогда об участии женщины в общественном труде не может быть и речи. Знает ли Смидович что-нибудь о «новой женщине»? Определенно, сама она не является многодетной матерью, изолированной от общественной жизни и полностью зависящей от доходов мужа-кормильца, потому что ради детей забросила работу и учебу. До каких пор роль

²¹ Стратоницкий А. Вопросы быта в комсомоле. Л., 1926, с. 60.

²² Об этом, кстати, писали Ярославский и Стратоницкий в вышеупомянутых работах.

²³ С м и д о в и ч С. Ответ на письмо комсомолки. Сб. «Комсомольский быт». М.-Л., 1927, с. 174—175. Впервые переписка Смидович с двумя комсомолками была опубликована в «Смене», 1926, № 21.

женщины в обществе будет определяться ее отношением к мужчине? Почему в любовных отношениях она должна думать о последствиях и обязанностях, а не о радостях любви? Должен ли социалистический мир быть для женщины таким безрадостным?

Была ли бойкая Нина типичной комсомолкой середины 20-х годов? Обзор периодики тех лет убеждал, что старшее поколение большевиков было весьма озабочено отношением комсомола к проблемам пола. Тем более, что в «эксцессах» поведения комсомольцев видели в какой-то степени и свою вину. Вот что писала об этом Смидович в статье «Молодежь и любовь»: «В первые годы революции, из вполне понятного протеста против всего буржуазного, шла борьба не на живот, а на смерть со всеми формами быта, которые сколько-нибудь напоминали ненавистное прошлое. Вполне естественно, что комсомольцы в первую голову объявили войну семейному укладу, поповской морали и всякой другой чертовщине. К тому же забота о детях, казалось, раз и навсегда спала с плеч обоих участников любви и целиком перешла в руки государства, да и аборт, который только что вышел из подполья, легко и просто разрешает для женщины вопросы, связанные с нежелательной беременностью. В чем же дело? Старый быт трещал по всем швам... а новый? Да разве он не нес с собою полного разрушения всяческой семьи? Разве он не сдавал семью как буржуазную форму быта в архив вместе со всем прочим хламом, оставшимся от буржуазного строя?.. Так легко и просто разрешался молодежи вопрос о семье и половой любви. Теперь нам совершенно ясно, что такое упрощенное решение вопроса, вполне законное для того времени (выделено С. С), сейчас является не чем иным, как некоторой своеобразной разновидностью мелкобуржуазного нигилизма»²⁴.

С «мелкобуржуазным нигилизмом» в комсомольской среде решено было беспощадно бороться. Существенную роль в этой борьбе сыграли русские беллетристы. Они предложили читающей публике простой, но яркий материал из молодежного быта — несколько широко обобщаемых в комсомольской среде произведений.

Проблемы пола в популярной беллетристике

На модную тему половых отношений было написано множество произведений, но наиболее обсуждаемыми в середине 20-х годов стали рассказ П. Романова «Без черемухи» (1926)²⁵, повесть С. Малашкина «Луна с правой стороны» (1926)²⁶ и роман Л. Гумилевского «Собачий переулок» (1927). Современному читателю трудно понять причину невероятного успеха этих произведений, но в период обсуждения Закона о браке и семье и дискуссии о половой морали они воспринимались по-другому.

Рассказ «Без черемухи» ставил проблему упрощенно физиологического подхода к любви. Он был написан от лица молодой девушки, студентки Московского университета. В письме к подруге она рассказывала о своем первом сексуальном опыте. Все произошло грубо, некрасиво, бесцеремонно. В грязной студенческой комнате. С развязным и циничным молодым человеком. Без любви, без романтики, без черемухи. Почему девушка пошла на это? Потому что не нашла в себе достаточно сил противостоять принятым нормам своей среды. «Любви у нас

²⁴Смидович С. Молодежь и любовь, с. 61.

²⁵В. Петровиченков в своей книге «Творческая судьба Пантелеймона Романова» (США, 1988) сообщает, что номер журнала «Молодая гвардия» (№ 6), в котором впервые появился рассказ «Без черемухи», «был мгновенно раскуплен и по рукам ходили многочисленные списки и перепечатанные копии рассказа» (с. 29). Рассказ перепечатывался почти во всех последующих сборниках и собраниях сочинений Романова. В примечаниях к недавно изданному сборнику рассказов Романова «Светлые сны» сообщается следующее: «Рассказ «Без черемухи» оставался одним из наиболее популярных произведений на протяжении многих лет».

²⁶Как и рассказ Романова, повесть С. Малашкина «Луна с правой стороны или необыкновенная любовь» была впервые опубликована в журнале «Молодая гвардия» (1926, № 9) и в последующие годы неоднократно переиздавалась. Об обоих произведениях было написано множество статей и писем в редакцию газет и журналов.

нет,— признавалась она подруге,— у нас есть только половые отношения... Девушки легко сходятся с нашими товарищами-мужчинами на неделю, на месяц или случайно — на одну ночь. И на всех, кто в любви ищет чего-то большего, чем физиология, смотрят с насмешкой, как на убогих и умственно поврежденных субъектов»²⁷.

Повесть «Луна с правой стороны» описывала атмосферу распущенности и разврата в институте имени Свердлова. Главная героиня повести, бывшая деревенская активистка, а в настоящий момент комсомольский лидер института Таня Аристархова, попадает под влияние «мелкобуржуазной» развратной среды. «22 мужа» (!), несколько аборт, «афинские ночи», где «большого вида» юноши и одетые в просвечивающие газовые платья девушки «курят анашу» и говорят о «свободной любви», доводят героиню до самоубийства. Правда, в конце повести выясняется, что самоубийство было симулировано. Под влиянием «необыкновенной» любви к деревенскому парню по имени Петр, оздоравливающего общения с северной природой и нескольких месяцев полового воздержания Таня находит в себе силы вернуться к новой жизни. Любящий Петр становится ее 23-м мужем!

Роман «Собачий переулочек» — откровенно тенденциозное произведение, в котором грубо намешаны все «половые проблемы» времени. Тут и отрицание любви: «Мы не признаем никакой любви! Это все буржуазные штучки, мешающие делу! Развлечение для сытых!»²⁸. Тут и «новая женщина», «отдающаяся» «по страсти и любви» и прогоняющая пожелавшего ее кавалера со словами «... неужели вам еще слова нужны»²⁹. И «проблема аборта» («это нужно, пока государство не может воспитать наших детей»). И примитивный физиологический подход к сексу: «хороший товарищ спит с другим товарищем, когда есть в том нужда. Голод и секс — инстинкты, требующие удовлетворения»³⁰. И борьба с мещанством: «новому человеку» и «новой женщине» не нужны «мещанский уют» и «мещанское счастье». И так далее...

Любопытна реакция читателя на всю эту «проблемную» литературу. Студенты доказывали, что хотя случаи половой распущенности в студенческой среде имеют место, ситуация не так ужасна, как изображают ее писатели. «С кого они портреты пишут, где разговоры эти слышат», — цитировал М. Лермонтова один из студентов³¹, в то время как другой реагировал еще более эмоционально: «Не верь ему (автору.— Т. О.), читатель, все врет!»³². Третий же (по-видимому, будущий литературовед) определял художественный метод произведений «как грубое изображение студенческого быта свиной щетиной малярной кисти»³³. Были, разумеется, и более «сознательные» студенты, которые оправдывали тенденциозность произведений благородным намерением авторов провести так называемую «моральную профилактику». «Ведь учиться в наших вузах и непролетарский элемент, несущий туда настроения своей среды,— писал один из этих защитников.— Кто здоров (а таких большинство), тот, не отрываясь от коллектива, сохраняет себя и воздействует на «соблазны». А кто не совсем здоров, тот, не имея закали, пожирается этой стихией. Но и они выздоравливают. Их лечат. Одним из важных лекарств является художественная литература...»³⁴.

Чем дальше от студенческой среды был читатель, тем более он был склонен верить в правдоподобность того, о чем читал. Его логика сводилась к следующему: раз пишут в газетах и журналах — значит, правда. Писатели, следовавшие заразителному примеру Романова и Малашкина, заявляли о своей солидарности с пионерами половой проблематики и о необходимости борьбы с «проблемами самым решительным и резким образом»³⁵. Представители партийного руководст-

²⁷ Романов П. Без черемухи. «Молодая гвардия», 1926, № 6, с. 15.

²⁸ Гумилевский д. Собачий переулочек. Л., 1927, с. 14.

²⁹ Там же, с. 22.

³⁰ Там же, с. 36.

³¹ Корабельников Г. Страсти-мордасти. «Молодая гвардия», 1926, № 12, с. 174.

³² Бегак Р. «Луна с правой стороны» Малашкина. «Молодая гвардия», 1926, № 12, с. 167.

³³ Студент Ответ автору «Собачьего переулочка». «Красное студенчество», 1927, № 7, с. 3.

³⁴ Лялин В. Диспут в Академии Коммунистического воспитания имени Крупской (стенографический отчет). «Молодая гвардия», 1926, № 12, с. 171.

ва соглашались с энтузиазмом авторов, но критиковали явное «сгущение красок» в описании пороков. Приглашенная на комсомольский диспут Смидович говорила: «Я бы сказала, что видит он (Малашкин.— *Т. О.*) не то, что есть на самом деле... Настолько сгущены в его рассказе краски, что даже я, которая совсем не в восторге от поведения молодежи, пришла в некоторое смущение...». Однако, как и некоторые «сознательные» студенты, Смидович подчеркнула определенный положительный эффект произведения, в особенности его счастливую развязку. Ей понравилось, что оздоровленная природой героиня возвращается к законному мужу: «Следовательно, ясно, что из этого болота интеллигентской части комсомола, которая убила в ней (в героине повести.— *Т. О.*) всю общественность, а это был общественный человек, этой Татьяне один выход — уйти в здоровую личную жизнь»³⁶.

Важно отметить, что в пылу дебатов о типичности (или нетипичности) описанного в произведениях поведения молодежи совершенно забыли о том, что к этому времени было проведено несколько социологических исследований о половой жизни студенчества³⁷. В частности, одно из них базировалось на анонимном анкетировании студентов института имени Свердлова (1923), а второе — Первого и Третьего московских университетов (1925). Приведенная в исследованиях статистика убедительно доказывает, что проблемы, описанные Романовым, Малашкиным и Гумилевским, были серьезно преувеличены. Согласно статистическим данным, довольно большой процент студентов (особенно мужчин) состоял в законном браке и развод среди них не был распространен. Более половины опрошенных женщин были девственницами и более тридцати процентов — замужем. В небольшой процент незамужних, но сексуально активных женщин входили, разумеется, разведенные. К абортам прибегали в основном замужние женщины. Некоторые студенты пользовались противозачаточными средствами. Трудно не согласиться с исследовавшим эту «половую» статистику ученым, что «найти точные доказательства распущенности в студенческой среде весьма затруднительно»³⁸. Эта же исследовательница заметила, что студенты были более склонны проповедовать «радикальные» взгляды на секс, но в практической жизни придерживались традиционного поведения³⁹.

Как бы то ни было, продолжительное муссирование половой проблематики в литературе имело определенную цель. Оно закрепляло в сознании массового читателя идеи и образы, которые были на руку патриархатному обществу. Рассказ «Без черемухи» предлагал традиционный пассивный образ женщины, страдающей от упрощенно-звериного отношения к ней мужчины. Как представительница «слабого пола» героиня рассказа была не способна дать отпор сексуальной агрессии распоясавшегося хама. Потому что для защиты себя и своей точки зрения нужны физическая сила и ум, которые патриархатная культура у женщины не предполагает. (Ведь пассивная роль женщины отражена даже на уровне языка: в сексе женщина «отдается», а в конфликте «уступает».) Читателю рассказа Романова ничего не оставалось, как посочувствовать очередной «бедной Лизе», над романтическими мечтаниями которой так грубо надругались.

Повесть «Луна с правой стороны» предлагала старый, как сам мир, тип «кающейся грешницы». Согласно канону патриархатной культуры, женщина, пренебрегающая сексуальным табу, должна быть наказана смертью или покаяться. Покаявшаяся могла «очиститься» моногамной любовью к мужчине. Неудивитель-

³⁵ Кирион В. Диспут..., с. 172.

³⁶ Смидович С. Диспут..., с. 169.

³⁷ Гельман И. Половая жизнь современной молодежи: Опыт социально-биологического обследования. М., 1923; Б а т к я с Г. Опыт подхода к изучению проблемы пола. Из работ Государственного института социальной гигиены. «Социальная гигиена», 1925, № 6; К л я ч к и н В. Половая анкета среди омского студенчества. «Социальная гигиена», 1925, № 6; Л а с с Д. Современное студенчество (быт, половая жизнь). М., 1928.

³⁸ Fitzpatrick Sheila. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Cornell University Press, 1992, p.83.

³⁹ Ibid., p. 87.

но, что все это присутствовало в произведении Малашкина. Повесилась «допрыгавшаяся» в развратной среде подруга Тани Аристарховой, а сама героиня вынуждена была симулировать самоубийство. Спасение к Тане пришло лишь благодаря Петру, и оно подразумевало счастливое замужество и материнство.

*

*

*

До сих пор широко бытующий взгляд на 20-е годы в России как на годы революционных преобразований в области брака, семьи и половых отношений нуждается в серьезной переоценке. Революция, о которой пророчил Ленин в разговоре с Цеткин в 1920 году, так никогда и не совершилась. Причин тому было много: отсутствие у большевиков теории половых отношений, слабость интереса к процессу, который мог нарушить status quo мужского большинства партии, экономическая отсталость России, низкий образовательный и культурный уровень русской работницы и крестьянки. Марксизм, идеологию которого пытались адаптировать советское государство, серьезной помощи оказать не мог. Он, как известно, проблемами половых отношений в переходный период не занимался, однако при этом утверждал, что брак при социализме очистится от экономических интересов и будет основан на взаимной любви, свободе выбора и полном равенстве. Конкретные способы достижения подобного идеала марксистская литература не предлагала.

Декрет 1917 года о женском равноправии, новое законодательство о браке и семье и активное вовлечение женщин в производство казались решением проблемы. Однако естественные последствия проведения этих неподготовленных мер в отсталой стране вызвали растерянность и реакцию. Для многих было сюрпризом, что участие в экономической жизни страны и право на развод не улучшили положения угнетенной женщины. Разводом «воспользовался» не «слабый», а «сильный» пол, а производство стало еще одним бременем, потому что домашнее хозяйство и забота о детях были по-прежнему на плечах женщины.

К середине 20-х годов непродолжительное заигрывание правительства с идеей женской эмансипации подходило к концу. Государство нуждалось в женском труде, но не хотело взять на себя ответственность за его последствия. Так же и советский мужчина был не против заработка жены, но не предлагал ей своей помощи в домашнем труде и заботе о детях... И патриархатное общество «сделало вывод» — советская женщина *обязана* быть работницей, верной женой и заботливой матерью. Не «отменили», разумеется, и особой радости для мужчин — «слабый» пол по-прежнему оставался сексуальным объектом.